

Димитриева О. А. «Поэтика пьянства» в массовой литературе (на примере иронического детектива Дарьи Донцовой) / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2018. — № 11. — С. 22—36. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-22-36.

Dimitrieva, O. A. (2018). "Poetics of Drunkenness" in Popular Literature (on Example of Ironie Detective by Darya Dontsova). *Nauchnyy dialog, 11*: 22-36. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-22-36. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-22-36

«Поэтика пьянства» в массовой литературе (на примере иронического детектива Дарьи Донцовой)¹

© Димитриева Ольга Альбертовна (2018), orcid.org/0000-0003-2734-640X, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского института этнопедагогике имени академика РАО Г. Н. Волкова, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (Чебоксары, Россия), olgaal_79@mail.ru

Рассматриваются особенности вербализации вакхических стереотипов современного человека на примере иронического детектива Дарьи Донцовой. Отмечается, что образ пьющего человека связывается с определенными стереотипами внешности. Выделяется представление об идеальном / неидеальном мужчине через глагольное действие *пить* (в первом случае — потенциально-качественная разновидность аспектуальной ситуации повторяющегося действия, во втором — узуальная). Указывается на программность ситуации распития спиртных напитков (наблюдается относительно новый способ номинирования такой программы, схожий с конверсивным словообразованием английского языка, — композит, состоящий из нескольких глагольных предикатов). В результате анализа текстовых фрагментов установлено, что оценка, в частности перцептивная, представлена визуальной, ольфакторной и другими разновидностями и несет в основном негативные коннотации. Ситуация винопития также апеллирует к бинарной оппозиции *свет* — *тьма*, причем состояние алкогольного опьянения ассоциируется с последним компонентом в паре и осмысливается как помутнение умственных способностей. Показано, что в художественном пространстве текста также эксплуатируются элементы медицинского дискурса: вводится терминология медицины (*алкоголизм, алкоголик, психология алкоголика*,

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ (проект № 27.9712.2017/БЧ «Полиэтническая образовательная среда современного вуза: проблемы многоязычия и межкультурной коммуникации»).

генетика), творчески, притом иронически номинируются вахические ситуации и явления с привлечением лексики наивной медицины.

Ключевые слова: массовая литература; русская языковая картина мира; менталитет, концептуализация действия / состояния; лексика употребления напитков; культура питания.

1. Вводные замечания

Изучение явлений действительности, отраженных в художественном мире, сквозь призму индивидуально-авторского видения и соотнесение их с общенациональными представлениями является объектом многочисленных исследований. Авторская интерпретация является вторичной, «направлена на осмысление коллективных знаний и коллективных когнитивных схем» [Болдырев, 2016, с. 35], общенациональное понимание соотносится с первичной интерпретацией, то есть это т. н. «коллективное видение определенным социумом» [Там же, с. 35]. Авторское толкование, вербализованное различными языковыми средствами, связывается с понятием языковой личности и концептосферы писателя (например, [Ломакина 2018]), или картины мира автора (подробнее см. [Ружицкий, 2015]), которая в свою очередь репрезентируется основными, смыслообразующими и ценностно ориентированными концептами. Ю. Н. Караулов, И. В. Ружицкий и др. называют «главные мирообразующие и миропонимающие идеи автора» [Караулов, 2001, с. 426] идиоглоссами, выделяя их на основе многочисленных параметров (частотности, особенностей употребления и т. д. [Ружицкий, 2015, с. 65]). Так, в идиоглоссарии, составленном по произведениям Ф. М. Достоевского, важными для концепта *винопитие* оказываются идиоглоссы *пьющий, пьяненький, пьяный, пьянство, пьяница* [Ружицкий, 2015, с. 426].

Вынесенное в заглавие статьи выражение *поэтика пьянства* взято из известной работы В. В. Химика [Химик, 2000], который описал многогранность, многоаспектность и креативность коллективного сознания в процессе осмысления и номинации ситуации винопития и компонентов, ее составляющих. Впоследствии феномен винопития, пьянства, застоля или выпивки рассматривается как концепт [Степанов, 2004] на примере его фреймовой структуры [Глушкова, 2009], лексических и фразеологических средств [Чирич, 2004], [Долгова, 2009], национальных напитков [Козько, 2006], ценностной составляющей в художественном произведении (на примере творчества А. С. Пушкина [Бойченко, 2009] и других поэтов [Купчик, 2017]) и т. п. Интересна в отношении аксиологической составляющей концепта ВИНОПИТИЕ репрезентация авторских установок, мнений, идеалов, особенностей видения в пространстве текста, в особен-

ности художественного. Е. И. Зиновьева отмечает связь пьянства и безумия (...*в пите своем и ума порушился...*) в лексике обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков [Зиновьева, 2015, с. 39]. В картине мира Н. С. Лескова употребление алкоголя связывается с национальностью и вероисповеданием: <...> *вижу, что эти люди пищу варят... Должно быть, думаю, христиане. Подполз еще ближе: гляжу, **крестятся и водку пьют**, — ну, значит, **русские!**.. Тут я и выскочил из травы и объявился. Это, вышло, ватага рыбная: рыбу ловили. Они меня, как надо землякам, ласково приняли и говорят: «**Пей водку!**» Я отвечаю: «Я, братцы мои, **от нее, с татарвой живуци, совсем отвык**». «Ну, ничего, — говорят, — здесь **своя нация, опять привыкнешь: пей!**» (Лесков Н. С. Очарованный странник) [Димитриева, 2017]. Для Л. Н. Толстого концепт ГРЕХ сопряжен с концептом ПЬЯНСТВО: пьянство порицается писателем, так как «сопутствует грехопадению человека, потерявшего совесть и ставшего на путь порока» [Ломакина, 2018, с. 132]. Ф. М. Достоевский связывает концепты ПЬЯНСТВА и ВЕРЫ / идеи ВСЕПРОЩЕНИЯ. Обратимся в качестве подтверждения к отрывку из речи Мармеладова: *И скажет: «Прииди! Я уже простил тебя раз... Простил тебя раз... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много...» И простит мою Соню <...> И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: «Выходите, скажет, и вы! Выходите, **пьяненькие**, выходите, **слабенькие**, выходите, **соромники**» (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание) [Димитриева, 2018б]. В представлении Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого (XIX век) винопитие связывается с понятиями религии, веры / верования и национальности. В XX—XXI веках ракурс несколько меняется, тональность становится более светской, профанной, во главу угла ставится сам человек, его не столько духовная составляющая, сколько физические ощущения, перцептивные оценки, осмысление себя через разного рода метафоры объективного мира [Димитриева, 2018а].**

Ю. М. Лотман выделяет такие признаки массовой литературы, как «распространенная», «читаемая», «известная» [Лотман, 1997, с. 819], и в связи с этим можно предположить, что она отвечает интересам современного читателя и в ней отражаются в некоторой степени взгляды, мироощущения человека. «Феномен массовой литературы <...>, — пишет М. А. Черняк, — недостаточно оценен как верный показатель невысказанных стремлений и потаенных желаний массового человека — показатель коллективных унастроений эпохи» [Черняк, 2015, с. 102]. Русский любовный роман, по ее мнению, «воспроизводит своеобразный слепок эпохи», «демонстрирует модель личности нового века» [Там же, с. 102].

Данное положение вполне применимо и для детективного жанра Дарьи Донцовой. По мнению Д. О. Тимошкина, ее тексты «сохраняют роль путеводителей по современности» [Тимошкин, 2013, с. 130]. Целью данного исследования является рассмотрение некоторых вакхических стереотипов современного человека, определение маркированных элементов ситуации винопития, ее ценностный аспект.

2. Стереотипный образ пьющего человека в детективе Дарьи Донцовой

СТЕРЕОТИПЫ ВНЕШНОСТИ. Характеристика мужского телосложения, внешнего вида мужчины, в частности аномалии в весе, связываются с постоянным употреблением пива: *Юрий Парфенович действительно оказался очень приятным, но несколько полноватым для своего возраста парнем лет тридцати. Должно быть, мастер весь день проводит, склонившись над своей работой, вот и расплылся чуток в талии. Хотя возможно, что он просто любит хорошо покушать и выпить пивка* (Улыбка); — Ты просто комиссар Мегрэ! — Мне бы больше польстило сравнение с симпатичной Каменской, а не с толстым мужиком, любителем пива. Напекаешь на мой лишний вес? (Там же); *Мой муж, Олег Михайлович Куприн, работает в милиции, сидит в известном здании на Петровке, 38 в кабинетике размером со спичечный коробок. В комнатенке с трудом помещаются письменный стол, два стула и ужасающий допотопный сейф, выкрашенный бордовой краской. Этот железный ящик стоит очень неудобно, и, чтобы пролезть на рабочее место, Олегу приходится протискиваться в узенькое пространство, что с его объемистым брюшком не так то просто. Мой супруг любит пиво, а из крепких напитков предпочитает коньяк, впрочем, принимает он горячительное в гомеопатических дозах (Три мешка).* В примерах атрибутивы, такие как *полноватый; толстый; с объемистым брюшком* указывают на следствие, обусловленное укладом, личным пристрастием, хабитуальными характеристиками: они передаются сочетанием глагола постоянного отношения *любить* или отглагольного субстантива *любитель* (само наименование действия (*выпить*) может опускаться) и существительного (наименование напитка) *пиво*. Е. Ю. Долгова отмечает, что в выражениях типа *любит выпить, уважает водочку, дружит с зеленым змием* и т. п. русский человек обращается «к свойствам характера, наклонностям человека или чувственному аспекту человеческой природы, что придает позитивное значение синтаксической конструкции в целом, незначительно улучшает денотат и позволяет выполнять <...> эвфемистические функции» [Долгова, 2009, с. 12].

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО И НЕИДЕАЛЬНОГО МУЖЧИНЫ С ВАКХИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. В описании идеального положения дел человек часто исходит из утверждения каких-либо положительных качеств или из отрицания и неприятия негативных черт. Например, в характере человека важными становятся моральные качества, особенности поведения — *добрый, тихий* и т. п., причем «идеальный мужчина», или по крайней мере «подходящий», проявляется не как замкнутый на самом себе, а через его отношение к окружающим (доброта по отношению к кому-либо, тихий или спокойный характер для кого-либо). Выделение положительных качеств путем отрицания вредных привычек, дурного характера проявляется в сочетании с вакхическими словами в частотной паре — *не пьет, не курит / непьющий, некурящий*. Приведем примеры, в которых отмечается сочетание полезных привычек и черт характера (через утверждение хорошего и отрицание плохого). Глаголы несовершенного вида в таких случаях употребляются в аспектуальной ситуации повторяющегося действия (в потенциально-качественной разновидности — действие является свойством субъекта): *Генерал взял удочку. — Мне налей, а сам не нюхай даже. — Я не пью, — ответил Тимофей, — и не курю* (Родословная); *Судьба услышала пожелание девушки и послала ей тихого, непьющего, некурящего Витю. Виктор работал плотником, чурался шумных компаний и слишком самостоятельных, ярких женщин* (Золотое); — *Просто он сразу к поселковым в доверие втерся. Весь такой прямо вежливый, положительный, не пьет, не курит, матом не ругается* (Родословная); *Правда, он не злой и не пьет совсем. Так, пивком балуется, да и меня любил...* (Три мешка); *Я обомлела, но решила замаять неловкость шуткой: — Не пьет, не курит, сам сирота?* (Золотое). Последний пример имеет шуточный характер и отсылает к образу идеального мужчины, в котором одним из прочих достоинств является отсутствие родственников, с которыми зачастую возникают сложные взаимоотношения.

В создании неидеального образа вовлекаются социальные поступки, которые являются следствием вакхических действий и носят регулярный характер (глаголы *пьет, дерется* употреблены в узальной разновидности повторяющегося действия): *Жены прибегают с плачем: «Засуньте мужа подальше, всех достал, пьет, дерется, дети его боятся, теца инфаркт заработала»* (Ангел).

СЦЕНАРИЙ ПОВЕДЕНИЯ. В русском языке образование сложных слов происходит в основном с помощью сложения двух основ и интерфиксов или без них (сращение двух и более слов без каких-либо изменений). В разделе «Словообразование имен существительных» Н. С. Валгина, Д. Э. Ро-

зенталь, М. И. Фомина также указывают на активный в последнее время способ — «словосоставление», с помощью которого образуются составные наименования (кафе-дискотека и т. п.) [Валгина, 2002]. В русской фольклорной традиции одним из характерных способов словообразования являются парные слова («компози́ты с обобщенным значением и (или) коннотацией <...> объединенных на основе сочинительных <...> или подчинительных отношений» [Ерина, Фомин, 2016, с. 191]) типа *жили-были, горе-злосчастие, худо-бедно* и т. п. Например, композит с обобщенным значением из детектива Д. Донцовой: *Бар плохой, музыканты как из басни Крылова: хоть куда садитесь, да никуда не годитесь. Из еды только бутеры несвежие. Но в такие заведения не за элитной **выпивкой-едой** приходят. За весельем* (Родословная). Значение композита *выпивка-еда* предполагает обобщенную схему обычных для ситуации посещения бара действий.

Рассмотрим следующие примеры с многочленными глагольными композитами: — *Компания, понятия не имевшая о планах Лены, нашла идею «пикника с трупом» восхитительной и расположилась вокруг последнего приюта Тимофея. **Выпили-закусили-поругались**. Брат Елены полез в драку с Григорием, тот ответил...* (Родословная); — *Седло у турок? — повторил Лена. — Я офигеваю, дорогая редакция. Что ты на завтрак **ела-пила-нюхала-жевала**?* (Там же). Здесь, на наш взгляд, можно провести параллель с парными словами русского языка, а также с одним из активных способов, характерных для английского словообразования — конверсией (или синтаксическим способом образования новых слов [Скрыльник, 2017, с. 155]), в результате которого на основе словосочетаний и предложений возникают сложные слова, или конверсивы типа *the return of her number-one-son-eldest-by-two-minutes* (пример из [Газизова, 2013, с. 30]) или известного обозначения Волдеморта из «Гарри Поттера» — *He-Who-Must-Not-Be-Named* или *You-Know-Who*. В первом примере однородный глагольный ряд (*выпили-закусили-поругались*) обозначает программу последовательных действий, которые типичны для ситуации распития спиртных напитков, и номинирует собственно последующую реализацию этой программы. Во втором примере, наоборот, на первый план выступает реакция, а потом определяется вызвавшая ее причина (глагольный ряд *ела-пила-нюхала-жевала*). В первом случае налицо последовательность и соединительные отношения, во втором — альтернатива и разделительные отношения. Итак, вакхические слова входят в состав программы действий, которая обуславливает предыдущие или последующие события.

В современном представлении о ситуации винопития также прослеживается взаимосвязь и взаимообусловленность вакхических действий с речевыми (*разболтал стьяну*), выражением благодарности (*пришел благодарить*), безрассудными поступками (*выпили — потянуло на подвиги*).

3. Полиmodalность оценки состояния пьяного человека

Полиmodalность оценки связана с различными сенсорными способами вербализации ситуации винопития (визуальные, аудиальные, ольфакторные, тактильные, вкусовые ее характеристики).

Н. А. Устинова, описывая алкоголь в рамках пищевого кода традиционной культуры, отмечает бинарную оппозицию «пища — алкоголь», первый компонент из которой связан с бытом и повседневностью, второй — с уходом в иномирие, которое в свою очередь имплицитно связывается с другой оппозицией «свет — тьма» [Устинова, 2011]. Попутно отметим, что в поэтическом дискурсе вино может метафорически осмысливаться через идею света и имеет положительные коннотации [Купчик, 2017, с. 345]. В произведениях Д. Донцовой идея света соотносится с трезвым разумом, способностью рассуждать и понимать происходящее, идея тьмы — с алкогольным помутнением разума: *Через некоторое время хозяйка очнется и отправится на охоту за бутылкой. Я рискую пропустить краткий момент относительного **просветления в ее мозгу**. Внезапно койка закричала, дама села и с неподдельным изумлением начала разглядывать гостя. — Вы кто? — хрипло спросила она* (Ангел).

Н. Л. Зыховская, рассматривая ольфакторное наполнение концепта ВИНО в литературе XIX века, отмечает «преобладание иронических и негативных коннотаций» [Зыховская, 2015, с. 67]. Ольфакторная оценка современного детектива продолжает традиции прозаического текста, то есть в описании запахов используется негативно маркированная лексика с добавлением сниженной (*омерзительный запах; ударил сильный запах; нестерпимо несло перегаром; распространял сильный запах перегара*), дается, как правило, характеристика не столько запаха / аромата напитка, сколько человека, его употребляющего: — *Костенька, кровиночка, сынуля, вот он, сразу узнала! Ника вдохнула **водочно-пивной аромат, исходящий от Раисы**, и залилась нервным плачем* (Три мешка); *Я вышла в коридор и ахнула. Возле вешалки, слегка покачиваясь, стояла малолетняя мамаша Костика. Звягинцева Раиса Петровна, 1982 года рождения. <...> — Чего тебе надо? — весьма грубо поинтересовалась я. Небесное создание громко икнуло. **По коридору поплыл омерзительный запах. Коктейль «Александр III»**. Только не подумайте, что это соединение французского*

коньяка с шампанским! Отнюдь нет, «Коктейль Александр III» — это смесь одеколонов «Саша» и «Тройной», а название «продукту» придумал писатель Венедикт Ерофеев (Там же); — Привет, — сказала она мне, — это ты вчера детей перепутала? В нос ударил сильный запах алкоголя. Я всмотрелась получше в полудетское личико, украшенное огромным сиянием под левым глазом (Там же). В последнем примере добавляется визуальная оценка внешнего вида героини, свидетельствующая о наглядной реализации описанной выше программы.

4. Художественное изображение состояния пьяного человека посредством отсылок к парадигме научного знания

Современное представление о постоянном приеме спиртного как о болезни — *алкоголизме* (затяжная болезнь приобретает статус хронической), *алкоголь* — *яд*, а следовательно, и введение в текст обозначений болеющего субъекта, испытывающего на себе воздействие алкоголя — *алкоголик* / *алкоголичка*, в сочетании с прилагательным *хронический (-ая)* (с яркой негативной коннотацией); определенная стереотипизация поведения — *психология алкоголика*; идея передачи генетическим путем склонности к болезни (*досталась генетика*) — все это отражается в следующих отрывках: — *Вера имела двух сыновей, Олега и Петра, — зачастил Димон, — мужики страдали самой распространенной на земле болезнью — алкоголизмом и умерли, не дожив до тридцати пяти (Золотое); В свои тридцать пять лет Машка Родионова ухитрилась четыре раза выйти замуж. С удивительным постоянством она наступала на одни и те же грабли. Первый супруг оказался моряком и алкоголиком, второй — артиллеристом и алкоголиком, третий — десанником и алкоголиком, четвертый — сапером и алкоголиком. Почему ее постоянно тянуло к людям в погонах, непонятно, но все Машкины браки заканчивались разводом и горькими слезами, пролитыми на нашей кухне (Три мешка); Насколько я разбираюсь в психологии алкоголика, основная задача этого подobia человека состоит в добычании очередной порции выпивки (Ангел).*

В тексте упоминается официальная служба, способная выводить из состояния алкогольного отравления, представителем которой является *опохмелищик* (в интернет-пространстве активно вводятся квазинаучные новообразования — *похметология* / *похмелолог*, *врач-похмелолог*), а простым средством лечения названа *опохмелка* (часто это пиво): *Хозяйка послушалась, потом попила ледяной воды из ванны и, продолжая трястись, заинтересовалась: — Это когда же я опохмелищика вызвала? Не помню... (Три мешка); Между прочим, великолепно помню эти желтенькие будоч-*

ки, вокруг которых вечно клубились мужики с опухшими лицами. Моя ма- чеха иногда совала мне, шестилетней, бидон и велела: — Давай, Вилка, притарань папеньке **пивка**, а то продрыхнется и драться полезет. Шewe- лись, видать, привезли — вон, соседи уже стоят. Я брала эмалированный сосуд и послушно спускалась вниз. Ларек был хорошо виден из окон нашей хрущобы, и тетя Рая всегда знала, когда следует бежать **за опохмелькой** (Там же).

Одним из средств лечения алкоголизма выступает участие в разного рода обществах трезвости: У Нины другая судьба, ее мама тащила одна через ухабы, Ниночка любила **погулять, выпить**, короче, ей **досталась папина генетика**. Когда мать скончалась от сердечного приступа, де- вушка кое-как окончила торговое училище, пристроилась кассиром сна- чала в один магазин, потом в другой, лечилась от любви к водке, **посещала занятия местного клуба «Больше ни капли»**, вроде исправилась и умерла от воспаления легких (Золотое).

Амбивалентное отношение к спиртному проявляется в отмечаемых в текстах подчеркиванием положительных свойств спиртного, употребля- емого в качестве снотворного, для тонуса или, наоборот, расслабления: Людмила, очевидно, не просто так легла спать в детское время. Скорей всего, дама приняла малую толику **весьма распространенного среди рос- сийян снотворного — особой сорокаградусной настойки, а попросту вод- ки**. Язык женщины слегка заплетался, и мозги работали с замедлением (Три мешка).

Как видно из примеров, медицинская терминология (алкоголизм, алко- голик, хронический алкоголик, психология алкоголика, генетика) перемежа- ется с лексикой наивной, или народной, медицины (опохмелик, опохмел- ка, снотворное, для тонуса / расслабления, коктейль «Крепкий марганец», аллергия на алкоголь, в гомеопатических дозах).

5. Выводы

В результате исследования «поэтики пьянства» в детективе Дарьи Донцовой следует отметить следующее:

1. В детективном романе воссоздан «слепок эпохи», находят выра- жение современные представления о ситуации винопития, стереотипы, используются известные афористические выражения (*Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке* (Три мешка); *Не разберешься без пол-литра* (Там же); *Чего с пьяного взять* (Ангел); *Некрасивых женищин не бывает, просто иногда не хватает выпивки* (Там же)); расхожие номинации (опох- мелка, похмелолог и др.).

2. Программность вакхических действий, предсказуемость и постоянство условий и следствий обусловили обращение автора художественного текста к такому способу номинации, который направлен на производство многосоставных композитов (*вытили-закусили-поругались*).

3. Введение многочисленных перцептивных оценок, многоаспектное описание ситуации винопития фиксируют, как правило, негативное осмысление вакхических действий.

4. Активное употребление медицинских терминов и квазитерминов приводит к попытке осознать ситуацию через парадигму научных знаний и ввести свой обывательский взгляд на рассматриваемое явление.

Источники и принятые сокращения

1. Ангел — *Донцова Д. А.* Ангел на метле / Д. Донцова. — Москва : Эксмо, 2014. — 384 с.

2. Золотое — *Донцова Д. А.* Золотое правило трехпудовочки / Д. Донцова. — Москва : Эксмо, 2013. — 352 с.

3. Родословная — *Донцова Д. А.* Родословная до седьмого колена / Д. Донцова. — Москва : Издательство Э, 2018. — 320 с.

4. Три мешка — *Донцова Д. А.* Три мешка хитростей / Д. Донцова. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с.

5. Ужас — *Донцова Д. А.* Ужас на крыльях ночи / Д. Донцова. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с.

6. Улыбка — *Донцова Д. А.* Улыбка 45-го калибра / Д. Донцова. — Москва : Издательство Э, 2016. — 352 с.

Литература

1. *Бойченко А. Г.* Питие / А. Г. Бойченко // Антология концептов / ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. — Волгоград : Парадигма, 2009. — Том 7. — С. 223—234.

2. *Болдырев Н. Н.* Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языков. — 2016. — № 26. — С. 33—37.

3. *Валгина Н. С.* Современный русский язык [Электронный ресурс] : учебник / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. — Москва : Логос, 2002. — 528 с. — Режим доступа : <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-068.htm#i5105>.

4. *Газизова Л. В.* Авторские неологизмы как средство достижения юмористического эффекта / Л. В. Газизова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 29 (320). — С. 27—30.

5. *Глушкова Т. С.* Винопитие как фрагмент русской языковой картины мира (на материале паремий, анекдотов, тостов, текстов СМИ и рекламы) : автореферат ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. С. Глушкова. — Омск, 2009. — 23 с.

6. *Димитриева О. А.* Глаголы с семантикой 'употреблять спиртное' в произведениях Н. С. Лескова / О. А. Димитриева // Грамматические исследования поэтиче-

ского текста : материалы Международной научной конференции. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2017. — С. 150—153.

7. *Димитриева О. А.* Репрезентация состояния похмелья в художественном дискурсе / О. А. Димитриева // Когнитивные исследования языка. — 2018а. — № 33. — С. 271—276.

8. *Димитриева О. А.* Концепт *винопитие* в художественной прозе Ф. М. Достоевского / О. А. Димитриева // Фортунатовские чтения в Карелии : сборник докладов Международной научной конференции : в 2 ч. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2018б. — Ч. 2. — С. 18—20.

9. *Долгова Е. Ю.* Лексика и фразеология, связанная со сферой употребления спиртных напитков, в русском языке : автореферат ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Ю. Долгова. — Самара, 2009. — 22 с.

10. *Ерина Т. Н.* Жили-были... К проблеме парных слов русского языка // Т. Н. Ерина, Э. В. Фомин // Вестник Чувашского университета. — 2016. — № 4. — С. 190—195.

11. *Зиновьева Е. И.* Лексико-фразеологические средства, вербализующие стереотипные представления о безумии, в обиходном языке Московской Руси / Е. И. Зиновьева // Язык в слове, фразеологизме, тексте : коллективная монография. — Орел : ОГУ, 2015. — С. 35—41.

12. *Зыховская Н. Л.* Ольфакторная составляющая концепта «вино» в русской прозаической традиции / Н. Л. Зыховская // Челябинский гуманитарий. — 2015. — № 2. — С. 61—69.

13. *Караулов Ю. Н.* Понятие идиоглоссы и словарь языка Достоевского / Ю. Н. Караулов // Слово Достоевского. 2000. — Москва : Азбуковник, 2001. — С. 424—444.

14. *Козько Н. А.* Концептосфера «спиртные напитки» в национальной языковой картине мира : автореферат ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. А. Козько. — Челябинск, 2006. — 20 с.

15. *Купчик Е. В.* Вино в русских поэтических текстах : метафорические модели / Е. В. Купчик // Пушкинские чтения — 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности : жанр, автор, текст : материалы XXII Международной научной конференции. — Москва : Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2017. — С. 342—351.

16. *Ломакина О. В.* Вербализация концепта «грех» фразеологическими средствами в языке Л. Н. Толстого / О. В. Ломакина // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы : труды и материалы Международной конференции : в 2 т. — Казань : Казанский университет, 2018. — Т. 2. — С. 13—134.

17. *Лотман Ю. М.* О русской литературе : статьи и исследования (1958—1993) / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1997. — 848 с.

18. *Ружицкий И. В.* Языковая личность Ф. М. Достоевского : лексикографическое представление : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.01 / И. В. Ружицкий. — Москва, 2015. — 647 с.

19. *Скрыльник А. В.* Способы образования авторских неологизмов в английском языке на материале книг Дж. К. Роулинг / А. В. Скрыльник // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* — 2017. — № 7(73), Ч. 1. — С. 154—157.
20. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический Проект, 2004. — 992 с.
21. *Тимошкин Д. О.* Мифология российской повседневности: социальные стереотипы в современном российском криминальном романе (на примере произведений Дарьи Донцовой) / Д. О. Тимошкин // *Полития : Анализ. Хроника. Прогноз.* — 2013. — № 1 (68). — С. 127—137.
22. *Устинова Н. А.* Диалектная концептуализация иномирия через призму одного из элементов пищевого кода / Н. А. Устинова // *Язык и культура.* — 2011. — № 4. — С. 69—77.
23. *Химик В. В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2000. — 272 с.
24. *Черняк М. А.* «Розовый роман» в контексте современной массовой литературы: тенденции развития жанра / М. А. Черняк // *Вестник Череповецкого государственного университета.* — 2015. — № 6 (67). — С. 101—106.
25. *Чирич И. В.* Лексика застолья в русской языковой картине мира : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / И. В. Чирич. — Москва, 2004. — 181 с.

“Poetics of Drunkenness” in Popular Literature (on Example of Ironic Detective by Darya Dontsova)¹

© **Dimitrieva Olga Albertovna (2018)**, orcid.org/0000-0003-2734-640X, PhD in Philology, senior research scientist, Research Institute of Ethno-pedagogy named after academician of RAE G. N. Volkov, Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev (Cheboksary, Russia), olgaal_79@mail.ru

The features of verbalization of Bacchic stereotypes of the modern man on the example of the ironic detective by Daria Dontsova are considered. It is noted that the image of a drinking person is associated with certain stereotypes of appearance. The idea of the ideal / non-ideal man through verbal action *to drink* is revealed (in the first case, the potential-quality kind of aspect situation of repeated action, in the second — language usage kind). The author points to the programmability of the situation of drinking alcohol (there is a relatively new way of nominating such a program, similar to the conversive word formation of the English language — a composite consisting of several verbal predicates). As a result of the analysis of text fragments it is established that the assessment,

¹ The article is prepared within the state task of Ministry of Science and Higher Education of RF (project No. 27.9712.2017/БЧ “Polyethnic Educational Environment of Modern University: Problems of Multilingualism and Intercultural Communication”).

in particular perceptual, is represented by visual, olfactory and other varieties and carries mainly negative connotations. The situation of wine drinking also appeals to the binary opposition *light* — *darkness*, and the state of alcoholic intoxication is associated with the last component in the pair and is interpreted as a clouding of mental abilities. It is shown that elements of medical discourse are also exploited in the artistic space of the text: the terminology of medicine (*alcoholism, alcoholic, psychology of an alcoholic, genetics*) is introduced, Bacchic situations and phenomena are creatively ironically nominated with the involvement of the vocabulary of naive medicine.

Key words: popular literature; Russian language picture of the world; mentality, conceptualization of action / state; vocabulary of drinking; culture of drinking.

Material resources

- Angel — Dontsova, D. A. (2014). *Angel na metle*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Rodoslovnaya — Dontsova, D. A. (2018). *Rodoslovnaya do sedmogo polena*. Moskva: Izdatelstvo E. (In Russ.).
- Tri meshka — Dontsova, D. A. (2015). *Tri meshka khitrostey*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Ulybka — Dontsova, D. A. (2016.). *Ulybka 45-go kalibra*. Moskva: Izdatelstvo E. (In Russ.).
- Uzhas — Dontsova, D. A. (2014). *Uzhas na krylyakh nochi*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).
- Zolotoye — Dontsova, D. A. (2013). *Zolotoye pravilo trekhputovochki*. Moskva: Eksmo. (In Russ.).

References

- Boldyrev, N. N. (2016). Issledovaniye fenomena cheloveka kak glavnyaya missiya kognitivnoy nauki. *Kognitivnyye issledovaniya yazykov*, 26: 33—37. (In Russ.).
- Boychenko, A. G. (2009). Pitie. In: Karasik, V. I., Sternin, I. A. (eds.). *Antologiya kontseptov*. 7. Volgograd: Paradigma. 223—234. (In Russ.).
- Chernyak, M. A. (2015). «Rozovyy roman» v kontekste sovremennoy massovoy literatury: tendentsii razvitiya zhanra. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 6 (67): 101—106. (In Russ.).
- Chirich, I. V. (2004). *Leksika zastolya v russkoy yazykovoy kartine mira*: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2017). Glagoly s semantikoy 'upotrebyat' spirtnoe' v proizvedeniyaх N. S. Leskova. In: *Grammaticheskie issledovaniya poeticheskogo teksta: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Petrozavodsk: PetrGU. 150—153. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2018a). Rerezentatsiya sostoyaniya pokhmelya v khudozhestvennom diskurse. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, 33: 271—276. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2018b.). Kontsept vinopitiye v khudozhestvennoy proze F. M. Dostoevskogo. In: *Fortunatovskiye chteniya v Karelii: sbornik dokladov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. 2/2. Petrozavodsk: PetrGU. 18—20. (In Russ.).
- Dolgov, E. Yu. (2009). *Leksika i frazeologiya, svyazannaya so sferoy upotrebleniya spirtnykh napitkov, v russkom yazyke: avtoreferat...* kandidata filologicheskikh nauk. Samara. (In Russ.).

- Erina, T. N., Fomin, E. V. (2016). Zhili-byli... K probleme parnykh slov russkogo yazyka. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 4: 190—195. (In Russ.).
- Gazizova, L. V. (2013). Avtorskiye neologizmy kak sredstvo dostizheniya yumoristicheskogo effekta. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 29 (320): 27—30. (In Russ.).
- Glushkova, T. S. (2009). *Vinopitiye kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira (na materiale paremiy, anekdotov, tostov, tekstov SMI i reklamy): avtoreferat...* kandidata filologicheskikh nauk. Omsk. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2001). Ponyatiye idioglossy i slovar' yazyka Dostoyevskogo. In: *Slovo Dostoyevskogo. 2000*. Moskva: Azbukovnik. 424—444. (In Russ.).
- Khimik, V. V. (2000). *Poetika nizkogo, ili prostorechie kak kulturnyy fenomen*. Sankt-Peterburg: Filologicheskiiy fakultet SPbGU. (In Russ.).
- Kozko, N. A. (2006). *Kontseptosfera «spirtnye napitki» v natsional'noy yazykovoy kartine mira: avtoreferat...* kandidata filologicheskikh nauk. Chelyabinsk. (In Russ.).
- Kupchik, E. V. (2017). Vino v russkikh poeticheskikh tekstakh: metaforicheskiye modeli. In: *Pushkinskiye chteniya — 2017. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: materialy XXII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Moskva: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet im. A. S. Pushkina. 342—351. (In Russ.).
- Lomakina, O. V. (2018). Verbalizatsiya kontseptu «grekh» frazeologicheskimi sredstvami v yazyke L. N. Tolstogo. In: *Nauchnoye naslediyе V. A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly: trudy i materialy Mezhdunarodnoy konferentsii. 2/2*. Kazan': Kazanskiy universitet. 13—134. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1997). *O russkoy literature: stat'i i issledovaniya (1958—1993)*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb. (In Russ.).
- Ruzhitskiy, I. V. (2015). *Yazykovaya lichnost' F. M. Dostoevskogo: leksikograficheskoye predstavleniye: dissertatsiya...* doktora filologicheskikh nauk. Moskva. (In Russ.).
- Skrylnik, A. V. (2017). Sposoby obrazovaniya avtorskikh neologizmov v angliyskom yazyke na materiale knig Dzh. K. Rouling. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 7 (73): 154—157. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2004). *Konstanty: slovar' russkoy kultury*. Moskva: Akademicheskiiy Proekt. (In Russ.).
- Timoshkin, D. O. (2013). Mifologiya rossiyskoy povsednevnosti: sotsialnyye stereotipy v sovremennom rossiyskom kriminalnom romane (na primere proizvedeniy Dar'i Dontsovoy). *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 1 (68): 127—137. (In Russ.).
- Ustinova, N. A. (2011). Dialektnaya kontseptualizatsiya inomiriya cherez prizmu odnogo iz elementov pishchevogo koda. *Yazyk i kultura*, 4: 69—77. (In Russ.).

- Valgina, N. S., Rozental', D. E., Fomina, M. I. (2002). *Sovremennyy russkiy yazyk: uchebnyk*. Moskva: Logos. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-068.htm#i5105>. (In Russ.).
- Zinov'eva, E. I. (2015). Leksiko-frazeologicheskiye sredstva, verbalizuyushchiye stereotipnyye predstavleniya o bezumii, v obikhodnom yazyke Moskovskoy Rusi. In: *Yazyk v slove, frazeologizme, tekste: kollektivnaya monografiya*. Orel: OGU. 35—41. (In Russ.).
- Zykhovskaya, N. L. (2015). Olfaktornaya sostavlyayushchaya kontsepta «vino» v russkoy prozaicheskoy traditsii. *Chelyabinskiy gumanitarniy*, 2: 61—69. (In Russ.).